

Рэкетир — человек, добывающий деньги
незаконными способами: мошенничеством,
вымогательством и т.д.

Глава 1

Я адвокат и сижу в тюрьме. Это долгая история.

Мне сорок три года, и я отбыл половину десятилетнего срока, к которому приговорен слабаком и ханжой — федеральным судьей Вашингтона, федеральный округ Колумбия. Все мои апелляции ничего не дали, и теперь в моем полностью истощенном арсенале не осталось ни одной процедуры, механизма, малоизвестного закона, формальности, лазейки, отчаянного средства. Ничего. Зная законы, я бы мог заниматься тем, чем занимаются некоторые заключенные, — забрасывать суды тоннами бесполезных ходатайств, исков и прочего мусора, только все это мне нисколько не помогло бы. Мне ничего не поможет. Реальность такова, что еще пять лет не стоит надеяться выйти на свободу, разве только под конец скостят жалкие две-три недели за хорошее поведение — а веду я себя всегда образцово.

Мне не следовало бы называть себя адвокатом, поскольку фактически я не адвокат. Адвокатура штата Виргиния лишила меня лицензии вскоре после приговора. Все было ясно как божий день: осуждение за тяжкое уголовное преступление равносильно лишению адвокатского звания. У меня отобрали лицензию и вне-

сли соответствующую запись в Регистр адвокатов Виргинии. Тогда всего за месяц лицензий лишились сразу трое — показатель выше среднего.

Тем не менее в своем мирке я известен как тюремный юрист и в этом качестве по несколько часов в день помогаю другим заключенным в их юридических делах. Я изучаю их апелляции и подаю ходатайства. Готовлю завещания, иногда земельные акты. Проверяю для некоторых «белых воротничков» их контракты. Я предъявляю иски к правительству по законным жалобам, но никогда по тем, которые нахожу пустяковыми. Да, и еще у меня много разводов.

Через восемь месяцев и шесть дней после начала отбытия срока я получил толстый конверт. Заключенные обожают письма, но без этого послания я бы вполне обошелся. Отправителем была юридическая фирма из Фэрфакса, штат Виргиния, представлявшая интересы моей жены, которая — удивительное дело! — пожелала со мной развестись. Всего за несколько недель из заботливой супруги, готовой к долгому ожиданию, Дионн превратилась в беглянку, жаждущую спасения. Мне было трудно в это поверить. Читая бумаги, я испытал шок, колени ослабели, глаза были на мокром месте. Испугавшись, что расплачусь, я бросился обратно в камеру, чтобы побыть в одиночестве. В тюрьме проливают много слез, но только без посторонних.

Когда я покидал дом, Бо исполнилось шесть лет. Он был нашим единственным ребенком, но мы планировали увеличить семью. Простая математика, я миллион раз все подсчитал. Когда я выйду, ему будет шестнадцать, он успеет вырасти, а я пропущу целых десять лет из того бесценного срока, который проживают вместе отец и сын. До двенадцати лет мальчики боготворят от-

цов и верят, что те не могут поступать плохо. Я играл с Бо в детский бейсбол и футбол, он всюду следовал за мной, как щенок. Мы удили рыбу, ходили в походы и иногда после субботнего завтрака вдвоем наведывались ко мне в контору. Он очень много для меня значил, и, пытаясь объяснить, что надолго его покидаю, я нестерпимо страдал — как и он. Очувтившись за решеткой, я отказался от его посещений. Как мне ни хотелось его обнять, мысль, что малыш увидит своего отца в тюрьме, была невыносима.

Когда сидишь в тюрьме и выйдешь очень не скоро, бороться с разводом совершенно невозможно. Наши семейные ресурсы, и так невеликие, не выдержали полторагодовой схватки с федеральным правительством. Мы всего лишились, кроме нашего ребенка и преданности друг другу. Сын так и остался несокрушимой скалой, зато преданность рассыпалась в пыль. Дионн давала прекрасные обещания все выдержать, но стоило мне уйти, и реальность пересилила. В нашем городке жена чувствовала себя одинокой, полностью изолированной. «При виде меня люди начинают шептаться», — писала она в одном из первых писем. «Мне так одиноко!» — скулила в другом. Вскоре ее письма стали заметно короче, приходили все реже. Как и она сама.

Дионн выросла в Филадельфии и не смогла привыкнуть к жизни за городом. Когда дядя предложил ей работу, она тут же заспешила домой. Через два года она снова вышла замуж, и теперь одиннадцатилетнего Бо воспитывает другой отец. Последние мои двадцать писем сыну остались без ответа. Уверен, он их даже не видел.

Я часто гадаю, встречу ли с ним снова. Думаю, что попытаюсь, хотя не уверен. Каково это — предстать

перед ребенком, которого до боли любишь, а он тебя не узнает? Все равно нам больше не жить вместе, как обычным отцу и сыну. Хорошо ли для Бо, если его давно пропавший отец снова объявится и попытается войти в его жизнь?

Времени для таких мыслей у меня более чем достаточно.

Я — заключенный номер 44861—127 в федеральном тюремном лагере близ Фростбурга, штат Мэриленд. «Лагерь» — это учреждение с нестрогой охраной для тех, кто сочтен несклонным к насилию и осужден на срок до десяти лет. По невыясненным причинам первые двадцать два месяца отсидки я провел в тюрюге с режимом средней строгости неподалеку от Луисвилля, штат Кентукки. На бюрократическом жаргоне она называется ФИУ — Федеральное исправительное учреждение, а по сути резко отличается от моего лагеря во Фростбурге. ФИУ предназначено для мужчин со склонностью к насилию, приговоренных к десяти и более годам. Жизнь там не в пример тяжелее, хотя я выжил, ни разу не подвергнувшись нападению. Помог опыт службы в морской пехоте.

По тюремным понятиям, лагерь — это курорт. Ни тебе стен, ни заборов, ни колючей проволоки и сторожевых вышек, только несколько вооруженных охранников. Фростбург относительно нов и превосходит удобством большинство государственных школ. Почему бы нет? В Соединенных Штатах на содержание одного заключенного тратится сорок тысяч долларов в год, тогда как на образование одного учащегося начальной школы — только восемь. Здесь полно адвокатов, менеджеров, социальных работников, медсестер, секретарей, всяческих помощников, десятки администраторов, ко-

торые затруднились бы объяснить, чем занят их восьмичасовой рабочий день. Федеральное правительство, чего вы хотите? Стоянка персонала перед главным входом забита хорошими легковыми автомобилями и пикапами.

Всего во Фростбурге шесть сотен заключенных, и все мы, за немногими исключениями, ведем себя смиренно. Те, у кого за плечами насилие, усвоили урок и ценят здешнюю цивилизованную обстановку. Те, кто всю жизнь кочует по тюрьмам, нашли наконец дом своей мечты. Многие из этих рецидивистов не хотят отсюда выходить. Здесь им привычно, а на воле все чужое. Теплая постель, трехразовое питание, медицина — может ли со всем этим соперничать улица?

Не хочу сказать, что это приятное место. Отнюдь. Многие вроде меня никогда не думали, что жизнь готовит им такое. Люди хороших профессий, с карьерой, с бизнесом, с активами, семейные, члены кантри-клубов... В моей «белой банде» есть Карл, окулист, перемудривший со счетами бесплатной медицинской помощи; или взять Кермита, земельного спекулянта, загонявшего разным банкам одни и те же участки; бывший сенатор штата Пенсильвания Уэсли погорел на взятке; мелкий ипотечный заимодатель Марк слишком пристрастился «срезать углы».

Карл, Кермит, Уэсли и Марк. Все белые, средний возраст — пятьдесят один год. Все признали вину.

А еще я, Малкольм Баннистер, черный, сорок три года, осужден за преступление, которого, насколько знаю, не совершал.

В данный момент я во Фростбурге единственный чернокожий, отбывающий срок за «беловоротничковое» преступление. Такое встретишь не часто.

Критерии членства в моей «черной банде» определены не так ясно. Большинство — ребята с улиц Вашингтона и Балтимора, попавшиеся за преступления, связанные с наркотиками. После условно-досрочного освобождения они вернутся на улицы и будут иметь двадцатипроцентный шанс избежать нового приговора. Что еще их ждет в жизни без образования, без профессии, с судимостями?

Говоря по правде, в федеральном лагере нет ни банд, ни насилия. Подерешься, вздумаешь кому-то угрожать, и тебя мигом переведут отсюда в какое-нибудь гораздо худшее место. Перебранок пруд пруди, особенно за телевизором, но мне не доводилось видеть оплеух. Некоторые отбывали сроки в тюрьмах штатов и рассказывают разные ужасы. Никому не хочется менять это место на другое.

Поэтому мы следим за своим поведением и считаем дни. Для «белых воротничков» заключение — это унижение, утрата статуса, положения, образа жизни. Но для чернокожих жизнь в лагере безопаснее, чем там, откуда они пришли и куда снова попадут. Для них наказание — еще одна зарубка, новая судимость, очередной шаг на пути превращения в профессиональных уголовников.

Из-за этого я чувствую себя больше белым, чем черным.

Здесь, во Фростбурге, есть еще два бывших адвоката. Рон Наполи много лет был в Филадельфии видным специалистом по уголовному праву, пока его не разорил кокаин. Он специализировался на законах о наркотиках и защищал многих крупных наркодилеров и торговцев средней части Атлантического побережья, от Нью-Джерси до обеих Каролин. Он предпочитал, чтобы с ним расплачивались наличными и кокаином,

и в конце концов все потерял. Внутренняя налоговая служба привлекла его за уклонение от налогов, и он уже отбыл половину своего девятилетнего срока. Сейчас Рон переживает не лучшие дни. Он впал в депрессию и совершенно махнул на себя рукой. Отяжелел, стал медлительным, слабым и болезненным. Раньше он рассказывал захватывающие истории о своих клиентах и их приключениях в мире наркоторговли, а теперь просто сидит во дворе и с потерянным видом поедает пакетами картофельные чипсы. Кто-то присылает ему деньги, которые он тратит в основном на нездоровую пищу.

Третий бывший юрист — вашингтонская «акула» Амос Капп, долго остававшийся успешным инсайдером, ловкачом, совавшим нос во все крупные политические скандалы. Нас с Каппом судил один и тот же судья, впаявший обоим по десятке. Обвиняемых было восемь — семеро из Вашингтона плюс я. У Каппа вечно рыльце в пушку, и в глазах наших присяжных он был, без сомнения, виновен. При этом он знал тогда — и знает сейчас, — что я не участвовал в преступном сговоре, но, будучи трусом и мошенником, смолчал. Насилие во Фростбурге строжайше запрещено, но если бы меня оставили хотя бы на пять минут наедине с Амосом Каппом, я бы точно сломал ему шею. Он это знает и, подозреваю, давно пожаловался начальнику тюрьмы. Его держат в западной части лагерной территории, подальше от меня.

Из всех трех адвокатов один я готов помогать другим заключенным в решении их юридических проблем. Мне это занятие нравится, оно захватывает и не дает скучать. А заодно оттачивает мои юридические навыки, хотя в своем адвокатском будущем я сомневаюсь. Выйдя на свободу, я могу попроситься назад в коллегия, но процедура обещает быть донельзя трудной. Вообще-то

я никогда толком не зарабатывал адвокатским трудом. Был мелким юристом, к тому же черным, и мало кто из клиентов мог мне толком заплатить. На Брэддок-стрит полно других адвокатов, боровшихся за тех же самых клиентов; конкуренция была жестокой. Так что не знаю, чем займусь после отсидки, но насчет возобновления юридической карьеры имею серьезные сомнения.

Мне будет сорок восемь, я одинок и, надеюсь, сохраню здоровье.

Пять лет — это целая вечность. Каждый день я совершаю длительную прогулку по грунтовой дорожке, тянущейся по периметру лагеря. Это его граница, известная как «черта». Переступи ее — и окажешься беглецом. Тюрьма тюрьмой, но местность здесь красивая, виды захватывающие. Шагаю, люблюсь округлыми холмами в отдалении — и борюсь с побуждением переступить «черту». Забор, способный меня остановить, отсутствует, караул тоже, никто не окликнет. Можно было бы скрыться в густом лесу, а потом вообще исчезнуть...

Я бы предпочел стену высотой футов в десять, из толстых кирпичей, с витками блестящей колючей проволоки поверху, чтобы скрывала от меня холмы и не позволяла мечтать о свободе. Это тюрьма, черт возьми! Нам нельзя ее покидать. Так поставьте стену и перестаньте нас соблазнять!

Соблазн никуда не девается, и, клянусь, чем больше я с ним борюсь, тем он день ото дня все сильнее.

Глава 2

Фростбург находится в нескольких милях восточнее мэрилендского городка Камберленд, на полоске земли между Пенсильванией на севере и Западной Виргинией

на западе и на юге. Глядя на карту, понимаешь, что это ответвление появилось у штата Мэриленд по недосмотру и не должно ему принадлежать, хотя неясно, кому следовало бы его передать. Я работаю в библиотеке, и на стене над моим письменным столом висит большая карта Америки. Я слишком подолгу на нее таращусь, грезя наяву и всякий раз поражаясь, как меня угораздило стать заключенным федеральной тюрьмы на западной оконечности Мэриленда.

В шестидесяти милях к югу отсюда находится виргинский город Уинчестер с населением двадцать пять тысяч человек — там я родился, рос, учился, работал и в конце концов потерпел крах. Говорят, после моего заключения мало что изменилось. Юридическая фирма «Коупленд и Рид» по-прежнему находится в помещении с окнами на улицу, где трудился я. Это на Брэддок-стрит, в Старом городе, рядом с ресторанчиком. Раньше на окне была выведена черным другая надпись: «Коупленд, Рид и Баннистер», и мы были единственной в округности ста миль юридической фирмой с одними черными сотрудниками. Говорят, господа Коупленд и Рид держатся на плаву — не процветают, конечно, и не богатеют, но по-прежнему платят зарплату обеим секретаршам и аренду. Так же было и во времена моего партнерства: мы перебивались, не более того. К моменту краха я начал всерьез опасаться, что в таком маленьком городе мне не выжить.

Говорят, господа Коупленд и Рид отказываются обсуждать меня и мои проблемы. Они тоже едва не сели на скамью подсудимых, их репутация оказалась замаранной. Изобличавший меня федеральный прокурор палил картечью по любому, хотя бы немного связанному